

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

23

№ 136
(1774)29
июля
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Глава двадцать вторая Школа тупости

«Беспрекословно, точно и в срок»

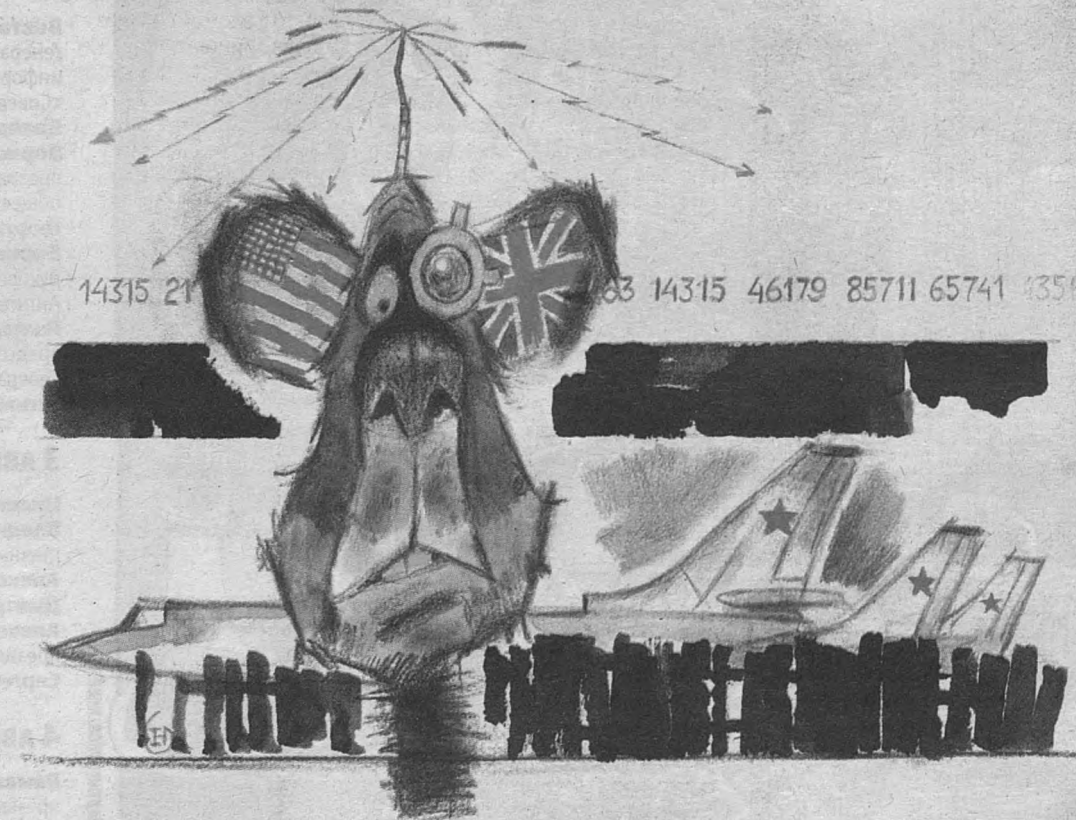
Пожалуй, что меня больше всего удивляло во время службы в армии, это, с одной стороны, регулярное производство совершенно невыполнимых и часто нелепых приказов и, с другой стороны, столь же постоянное уклонение от их исполнения. Один из главных пунктов устава внутренней службы гласит: «Приказ начальника закон для подчиненного. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок». Армейская мудрость учит солдата иному: «Не спеши выполнять приказание, его могут в любой момент отменить». И это не шутка. В армии, через которую я прошел, невыполнение приказов было делом гораздо более обыкновенным, чем в любой гражданской «шарашкиной конторе».

Наконец-то предыдущий выпуск учебы закончил. Курсанты сдали экзамены, пришили к погонам сержантские лычки и разъехались по частям, освободив учебные классы для нас.

Появились и офицеры, назначенные нам в командиры. Первый, самый колоритный — майор Федор Иванович Догадкин: образование восемь классов, гражданская специальность — ученик слесаря. Вторым — командир взвода старший лейтенант Потапов, по имени, употребляемому за глаза как прозвище, Жора, чуваш, простоватый мужичок с золотым зубом, образование начальное. Старшина роты тоже Потапов, однофамилец, прозванный де Голлем за сходство с французским генералом. Каптенармус Трофимович, упитанный сверхсрочник женского телосложения. Младшие командиры были выдвинуты из нашей среды. Старший лейтенант Потапов построил взвод, взгляделся в лица и безошибочно выбрал самых тупых на должности помкомвзвода, командиров отделений и старшины классного отделения. Сколько я видел, как начинаются карьеры младших командиров в армии, — их всегда выбирают из самых тупых, но готовых без сомнений по-велевать другими.

Непартитурное чтение

Вот наш распорядок дня. В шесть часов подъем, построение, оправа, физзарядка, заправка кроватей, завтрак. После завтрака восемь часов занятий. Потом обед. После обеда полтора часа сна. Потом самоподготовка. Хотя ни о каком «само» речи быть не может. Занятия происходят в классах, обычно с преподавателями, и от дневных отличаются тем, что это как бы не уроки, а консультации. Все передвижения — в уборную, в столовую, на занятия и обратно — только строем и обязательно с песней. После ужина — личное время. Сорок минут, за которые надо успеть подшить подворотничок, почистить пуговицы и сапоги, написать письмо родителям, полистать в «ленкомнате» (если есть интерес) газету. О том, чтобы почитать книгу, нечего и думать. Прочтешь абзац-другой — тебя прервут командой «Выходи строить!» До армии я читал запоем. Весь день. Или всю ночь.

Приблудную собаку в авиачасти все жалели, подкармливали и не сразу заметили, что один глаз у нее вставной, а в нем вмонтирован фотоаппарат. Собака бегала по аэродрому, снимая наши самолеты. Из этого рассказа следовало, что, прежде чем кормить приблудную собаку, следует посмотреть ей в глаза. Да и перед тем, как помочь какому-нибудь человеку, тоже следует крепко подумать...

Несмотря на то, что работал и учился в вечерней школе и в аэроклубе. Но все же бывали выходные дни, отпуска и простудные заболевания, когда можно было погрузиться в текст и забыть все на свете. Я обладал способностью так называемого партитурного чтения, когда страницу охватываешь взглядом и вбираешь целиком. В армии же за четыре года я прочел от начала до конца только одну книгу, «Милого друга» Мопассана, и умение быстро читать утратил навсегда. Армия всех нивелирует: одних поднимает, других опускает до среднего уровня. Тупого развивает. Развитого отупляет.

Пуля — дура, штык — молодец

Попади я в батальон аэродромного обслуживания, мог бы отупить еще больше, но в школе авиамехаников нам преподавали серьезные предметы и на серьезном уровне. Аэродинамику, материаловедение, теорию полета, топографию, конструкции двигателей и самолетов. Преподаватель теории реактивного двигателя капитан Беспятков с отличием окончил Военно-воздушную академию имени Жуковского.

Он говорил приблизительно так:

— Сейчас я вам расскажу об этом явлении... Ну, в общем, так, как нам это преподавали в академии. Боюсь, что не все вы поймете,

но ладно, расскажу для тех, кто поймет...

Объясняя процессы, происходящие в двигателе, Беспятков чмокал губами, задумавшись, стирал написанные на доске формулы рукавом, но мы не смеялись над ним, а слушали, раскрыв рты, как сказки Шахерезады. Да и другие преподаватели увлекались и выходили далеко за рамки того, что считалось доступным нашему пониманию. Некоторые из них очень не прочь были порассуждать о литературе, музыке и живописи. Тот же Беспятков вызывал к доске нашего помкомвзвода сержанта Капитонова, задавал вопросы по теме. Тот, окончивший до армии десятилетку, ничего ответить не мог. Тогда капитан спрашивал, не знает ли сержант, кто написал «Войну и мир» или «Евгения Онегина». Конечно, тот не знал и этого.

— Капитонов, — интересовался капитан, — за сколько мешков картошки вы купили свой аттестат?..

И в то же время у нас были другие учителя — наши строевые командиры, пришедшие из пехоты. Призванные в армию еще до войны, имея образование в пределах начальной школы и краткосрочных командирских курсов, они учили нас премудростям, подходящим, возможно, для солдат времен Суворова, где непреложной истиной считалось высказывание: «Пуля — дура, штык — молодец». Под их руководством мы зубрили уставы, занимались шагистикой и осваивали все ту же винтовку Мосина

образца 1891/30 года и автомат ППШ. Правда, нам говорили, что есть какой-то суперсовременный и ужасно секретный автомат, изобретенный сержантом Калашниковым, когда тот сидел на гауптвахте.

Собака с фотоаппаратом в глазу

Преподаватель политподготовки старший лейтенант Ярцев был пограмотнее наших ротных и взводных, но и ему приходилось вести свой предмет на уровне, пригодном для людей умственно неполноценных. Помимо биографии Сталина, он объяснял нам, почему мы должны соблюдать воинскую дисциплину, быть бдительными, хранить военную тайну и защищать знамя. Иные истины внушались нам в виде лозунгов, например: «Сам погибай, но товарища выручай», «Не болтай по телефону, болтун находка для шпиона». Все учение преподносилось нам в виде примитивных примеров якобы из жизни. Во время Сталинградской битвы был будто бы такой случай: стояли солдаты с полковником, и вдруг рядом разорвался снаряд. Солдаты повалили полковника и прикрыли своим телом. «Зачем вы так сделали?» — спросил потом разгнанный полковник. — Ведь вы же сами могли погибнуть». — «Это так», — отвечал ему старый мудрый солдат, — но если бы вы погибли, было бы гораздо хуже. Командир для солдат, как матка в улье для пчел: погибнет матка — и всему рою пропасть».

Или ехал офицер в отпуск. Разговорился в вагоне с попутчиками. Рассказал, что служит в таком-то городе начальником гарнизона. Ему невдомек было, что один из его попутчиков — матерый английский шпион, который из слов офицера сделал вывод, что в упомянутом городе есть гарнизон.

Самая интересная байка была про собаку-шпиона. Приблудная, она прибилась к авиационной части, ее все жалели, подкармливали и не сразу заметили, что один глаз у нее вставной, а в нем вмонтирован миниатюрный фотоаппарат.

Собака бегала по аэродрому, фотографируя наши самолеты.

Из рассказов старшего лейтенанта Ярцева следовало, что надо быть всегда бдительным и, прежде чем кормить приблудную собаку, следует посмотреть ей в глаза. Да и перед тем, как помочь какому-нибудь человеку, тоже следует крепко подумать. Один офицер на вокзале якобы помог польской женщине с вещами подняться в вагон. На другой день западные газеты распространили снимок этой сцены с подписью: «Советские войска отправляют польских женщин в Сибирь».

Всю эту чушь мы должны были не просто выслушивать, а конспектировать. Если курсант это все законспектировал, а потом прочел по бумажке, преподаватель его хвалил: — Видно, что курсант Бакланов поработал с материалом, усвоил его и делает из него правильные выводы.

И дальше — в точности, как описано у меня в «Чонкине»:

— А скажите, курсант Бакланов, чем отличается наша армия от армий капиталистических стран? Ну? Я вам подсказываю: наша армия народная и служит... кому?

— Народу.

— Правильно, наша армия служит народу. А кому служат армии капиталистических стран? Ну? Они служат кучке... кого?

— Кучке капиталистов? — неуверенно отвечает Бакланов.

— Правильно, товарищ Бакланов, — радостно подхватывает Ярцев. И, обращаясь ко всем: — Вот видите, когда человек работает, когда он думает своей головой, это сразу видно. Садитесь Бакланов, пять.

И Бакланов, занимающий по тупости второе место после помкомвзвода Капитонова, садится на место, довольный собой.

Я вести конспект ленился, получал постоянно тройки, и Ярцев указывал на меня, как на самого отстающего и бездарного ученика. Но через несколько месяцев у нас был проверочный экзамен по политподготовке, который принимал начальник политотдела армии, полковник. Я отвечал на какие-то его вопросы, он почему-то стал спрашивать меня что-то по истории ВКП(б). Память у меня такая, что всякий мусор в ней всегда застревал, особенно цифры и даты. Я помнил хорошо, когда был какой съезд их партии. На одном вопросе сбился, но тут же сам и поправился. «Кто генеральный секретарь коммунистической партии Америки?» — спросил меня полковник. Я сказал: «Джон Фостер Даллес». Полковник не успел удивленно поднять брови, как я спохватился: Джон Фостер Даллес, будущий госсекретарь США, судя по советским газетам, был ужасным реакционером, идеологом «холодной войны». «Уильям Фостер», — поправился я, после чего полковник не только поставил мне пятерку, но и объявил благодарность.

На следующем занятии старший лейтенант Ярцев был очень ко мне благосклонен.

— Сегодня, товарищи, — сказал Ярцев, — хочу особо отметить заметный успех курсанта Войновича. На его примере видно, что если человек работает, старается, то независимо даже от его способностей он может добиться прогресса в своем развитии. Мне это особенно приятно вам сообщить, потому что в успехе Войновича я вижу плоды и своих трудов.

Продолжение следует

Войнович. Биография
29.07.05